Я. С. ЛУРЬЕ

К проблеме свода 1448 г.

В наследии, оставленном нашей науке А. А. Шахматовым, особое значение имеет произведенная им колоссальная работа по сравнительно-историческому изучению памятников летописания. Сопоставление обширных сводов между собой и установление их сходства на большом протяжении дает возможность с несомненностью заключить о наличии у них общих источников — сводов-протографов.

Менее бесспорны попытки определения этих сводов-протографов, которые в ряде случаев предлагал А. А. Шахматов. По справедливому замечанию М. Д. Приселкова, при таком определении «А. А. Шахматову приходилось прибегать, так сказать, к методу больших скобок, которыми пользуются при решении сложного алгебраического выражения, чтобы потом, позднее, приступить к раскрытию этих скобок, т. е. к уточнению анализа текста. Этот прием вносил некоторую видимую неустойчивость в выводы, сменявшиеся на новые, более взвешенные, что вызывало неодобрение тех исследователей, которые привыкли и умели оперировать только над простым и легко читаемым текстом. Несомненно, что дальнейшее изучение внесет в добытые Шахматовым результаты немало поправок и уточнений, подобных тем, которые вносил сам исследователь, но это дальнейшее изучение непременно будет исходить из того метода изучения летописных текстов, который указал Шахматов».[1]

Одним из «узлов» летописания, предположительно намеченных А. А. Шахматовым, был свод, названный в его основных работах «сводом 1448 г.». Свод 1448 г. А. А. Шахматов считал протографом значительной части (едва ли не большинства) известных нам летописей. Речь идет об источнике двух больших летописных семей — Новгородской IV и Софийской I летописей; от Софийской летописи зависят основные московские летописные своды — Никаноровская летопись, Московский свод конца XV в. и многие другие. Общий текст Софийской и Новгородской IV летописей, представляющий собой своеобразную комбинацию общерусского (митрополичьего) и новгородского летописания, доходит до 1418 г.; дальше в Софийских летописях следуют преимущественно московские, в Новгородских — преимущественно новгородские известия. Но источник обеих летописных семей вовсе не должен был доходить только до 1418 г.: одна из двух групп могла почему-либо просто прервать использование этого источника на этом годе. А. А. Шахматов обратил внимание на любопытное известие, читающееся во всех этих летописях перед известием

[1] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 13.